Текст · 20 октября 2023, 09:52
Уэнделл Стивенсон,

«Стреля-ют». История о том, как человек с аутизмом и его родители больше года пытались выбраться из Мариуполя

Когда началось российское вторжение в Украину, Артем был уже взрослым. Он жил с родителями в Мариуполе. Диагноз «расстройство аутистического спектра» ему поставили в раннем детстве. У него был очень четкий распорядок жизни, устоявшаяся диета, сформировавшиеся привычки и связи с внешним миром. Все это было разрушено. Родители пытались выехать вместе с ним из осажденного города, но не смогли. Началась оккупация. Корреспондент *Economist* Уэнделл Стивенсон рассказывает историю семьи Артема и их попыток выбраться из Мариуполя, а «Медиазона» публикует перевод ее статьи.

В три года Артему поставили диагноз «расстройство аутистического спектра» (РАС). Он вырос в девятиэтажке в приморском городе Мариуполе на юго-востоке Украины. Его отцу Анатолию сейчас 54 года, это крупный, веселый человек, который не прочь выпить, раньше он работал театральным режиссером. Мать Артема Анна, миниатюрная женщина с мальчишеской стрижкой, бросила работу швеи в костюмерном цехе, чтобы заботиться о ребенке. Она присматривала и за пожилой матерью. Та часто рассказывала истории о своем военном детстве, например, как однажды к ним во двор заехал танк, а еще как немец чистил ружье любимой шалью ее матери.

Артем не говорил и не ходил в школу. Его родители пытались помочь ему выстроить контакты с внешним миром. К подростковому возрасту они смогли научить сына нескольким слогам. «Я-ха» — «я хочу», «пи» — «пить», «па» — «помоги», так Артем говорил, когда у него не получалось завязать шнурки или одеться.

Артем очень любил гулять, готов был заниматься этим часами. Но когда приходилось ждать на автобусной остановке или в магазине, он начинал нервничать: ему была неприятна и непонятна эта пауза между действиями. «Подожди, подожди», — говорили родители, и Артем научился повторять: «Жди, жди, жди».

Артем ел определенный набор продуктов: хлебцы, бананы, яблоки и творожный десерт «Маричка» с улыбающейся девочкой на упаковке. Еще он любил слушать веселую попсу и пересматривать свою коллекцию музыкальных *DVD*. Не умея читать, он как-то научился пользоваться интернетом в своем планшете и находить любимые клипы. Его успокаивал звук льющейся воды, и он мог часами просиживать в ванной. Расписание, рутина, режим, повторяющиеся действия — так семья жила 20 лет. А потом наступило 24 февраля 2022 года, и все изменилось.

Электричество отключили в первые же дни войны: ни радио, ни телевизора, ни интернета, ни мобильной связи. Затем не стало воды, газа, отопления. Сбежать они не могли: машины у семьи не было, автобусы не ходили, никакой информации о выезде они найти не могли. В их доме был подвал, но спуститься туда

можно было только по лестнице. Артема невозможно было на это уговорить, а 92-летняя бабушка не могла этого сделать физически. Лучше оставаться в квартире, решил Анатолий: если погибнут, то по крайней мере все вместе.

Сначала Анна выводила Артема на ежедневные прогулки, но скоро бои стали происходить слишком близко. Анатолий приносил воду из колонки, пока она еще работала, искал еду в полуразрушенных снарядами магазинах, добывал дрова для печки. А потом украинские солдаты ушли из их района. Как-то утром Анна выглянула в окно и увидела, что у них во дворе припаркованы четыре танка.

Планшет Артема больше не включался, вода из душа не лилась, десерт «Маричка» не продавался. Родители заворачивали сына в одеяла, чтобы он не замерз, и он лежал в кровати, сжимая в руках свои диски и качая головой — родители думали, что он беззвучно подпевал песням.

Снаряд разорвался рядом с их кварталом, два человека погибли. Анатолий нашел два килограмма сморщенных яблок в разбомбленном магазине, это была большая удача, потому что Артем почти перестал есть. Как-то, собирая доски в разграбленной аптеке, Анатолий наткнулся на заначку с таблетками: на упаковке было написано, что их применяют при аутизме. Обычные лекарства Артема кончились, было решено давать ему эти.

Когда разрывались бомбы и свистели пули, родители объясняли Артему, что это «стреляют». «Стреля-ют», — повторял Артем снова и снова.

Это было единственное слово, которое он научился произносить целиком. Когда взрывы были слишком громкими, Артем начинал кусать себя за руки и кричать. Однажды он выл так два дня подряд, пока у него не сел голос.

Бабушка Артема заболела и перестала принимать пищу, 2 апреля она умерла. Анна и Анатолий похоронили ее во дворе.

* * *

Россияне окружили город в первые же дни вторжения; даже те, у кого были машины, еле успели выбраться. Было несколько российских автобусов, вывозивших жителей в Донецк. Те, кто остался, прятались в сырых подвалах. Они выбирались, чтобы найти еду и топливо, рисковали жизнью, чтобы набрать воды под обстрелами, видели, как убивают и калечат их близких, переступали через тела. Мариупольцы были полностью отрезаны от внешнего мира. Никто не знает, сколько десятков тысяч гражданских было убито за первые два месяца войны.

В апреле в городе появилась российская администрация, хотя еще продолжалась осада «Азовстали». Российские чиновники привезли генераторы и подключили несколько вышек сотовой связи: жители смогли поймать прерывистый сигнал и отправить СМС близким, которые ничего не знали об их судьбе. Пригнали грузовики с водой, появились пункты выдачи гуманитарной помощи, где можно было получить еду и одежду. По городу разъезжали машины с экранами, на которых передавали российские новости. Солдаты обходили

дома в поисках тех, кто связан с ВСУ, останавливали людей на улице и заставляли раздеваться — проверяли на патриотические татуировки.

В доме Анны и Анатолия осталось всего несколько соседей, они делили лестничную клетку и единственную работающую плиту. Несколько недель Анна ничего не знала о своем брате и его жене, которые жили на соседней улице. В мае, когда бои утихли, Анатолий и Анна решили уехать из города. Чтобы сделать это, они должны были получить у российских властей справку о «фильтрации». Они отправились на один из фильтрационных пунктов, чтобы показать свои документы и пройти допрос. Артем плакал и кусал себя за руки, пока они ждали, но им удалось получить нужные бумаги. Анатолий нашел водителя, который должен был перевезти их через линию фронта, но нужно было подождать несколько дней, пока водитель найдет топливо.

20 мая Анна пошла на небольшой рынок, который появился неподалеку, она узнала, что там вроде бы продают «Маричку», которую так любит Артем. Пока ее не было, Анатолия арестовали. Два человека в военной форме постучали в дверь их квартиры. Когда Анатолий открыл, один из них направил на него пистолет. Артем был в кровати, накрытый одеялами, несмотря на теплую погоду: зимой родители ругали его, если он вылезал из-под одеяла, и теперь он отказывался с ним расставаться.

Военные обыскали квартиру, конфисковали телефон Анатолия и планшет Артема. Один из них зашел в спальню Артема: «Ты дурак, что ли? Чего ты лежишь в такую жару под одеялом?». Артем разнервничался от

агрессивного тона и начал выть. Анатолий объяснил, что у его сына аутизм и его нельзя оставлять одного. Мужчины позволили ему позвать соседа присмотреть за Артемом. Затем Анатолия забрали.

* * *

К лету ситуация в Мариуполе немного улучшилась. Дали электричество, и Артем снова смог смотреть свои клипы. Включили воду, поначалу только холодную, но Анна грела ее на плите, чтобы Артем мог искупаться. В руинах домов открылись магазины, Артем ел по два батона в день и набирал вес. Анна пыталась ходить с ним гулять, но он больше не хотел на улицу.

Мариуполь теперь был полностью под контролем России. Городом управляла пророссийская администрация, набранная из чиновников, работавших в сепаратистской ДНР, и местных членов пророссийских организаций. Люди должны были получать разрешения на работу врачами, медсестрами, сантехниками — любую работу, оплачиваемую из госбюджета. Остальные могли заработать, извлекая тела из-под обломков зданий или расчищая завалы. Позже многие пошли на стройки.

Большой знак «Мариуполь» на въезде в город раскрасили в белый, синий и красный, цвета российского флага. Вокруг драмтеатра, где после удара российской артиллерии погибло несколько сотен прятавшихся там украинцев, воздвигли заграждение, поставили билборды, прославляющие братскую любовь русского и украинского народов.

Мемориал, посвященный Голодомору, разобрали. Зато поставили новый памятник — Александру Невскому, князю, который защищал Русь от «врагов, которые пришли из тех же стран, с которыми Россия борется сейчас», как написано на монументе. Название улицы, где жили Артем и Анна, переписали по-русски.

Валютой стали рубли. Заработал черный рынок: валютчики через посредников на неоккупированных территориях получали доступ к гривнам на счетах в украинских банках и меняли их на рубли по заниженному курсу. В школах преподавали на русском, из программы убрали историю Украины, учителей отправляли на переобучение, детей — на строевую подготовку.

Иллюстрация: Никола Нидвора / Медиазона

Российские чиновники быстро выстраивали административную базу. Иметь российские документы было не обязательно, но это становилось все более удобным вариантом. Люди выстраивались в очереди за российскими паспортами, перерегистрировали недвижимость (два соседа должны были подтвердить, что вы действительно владеете имуществом и проживаете по данному адресу), записывались на получение пенсий и других выплат. Украинское правительство продолжало платить пенсию некоторым категориям жителей Мариуполя. Перед Новым годом Анне

повезло: украинские власти выплатили Артему пенсию по инвалидности за несколько месяцев, получилось около тысячи долларов. Весной 2023 года она заплатила около двух тысяч рублей, чтобы зарегистрировать Артема как инвалида в российской системе — он стал получать семь тысяч рублей в месяц.

На старшего брата Анны и его жену эффективность российской бюрократии произвела большое впечатление. Перед войной они несколько месяцев собирали документы, чтобы податься на украинскую пенсию, это сложный процесс. А когда они получили российские паспорта, пенсия начала поступать сразу же. Как и многие другие мариупольцы, они смотрели российские новости. Брат Анны начал повторять российскую пропаганду, что якобы это украинские военные заминировали драмтеатр, где погибло так много людей, и что они использовали гражданское население Мариуполя как живой щит. Анна была потрясена: когда они были детьми, именно брат уговорил ее учить украинский в школе. Теперь они несколько раз очень серьезно поссорились. Анна сказала брату, что если он не перестанет нести чушь, она просто прекратит с ним общаться.

Люди в Мариуполе жаловались, но быстро смирялись. Они говорили, что Украина их бросила. Что они в России и теперь Россия о них позаботится. Измученные месяцами войны и лишений, люди впитывали тщательно продуманную российскую пропаганду. Может быть, думала Анна, такой уровень покорности помогает справиться с новой реальностью. Жители Мариуполя оказались в

параллельном российском мире, таком же странном и знакомом, как мир ее сына.

* * *

Когда я была в Киеве в июле, я много разговаривала с беженцами из Мариуполя. Кто-то, как мэр города Вадим Бойченко, смог выбраться в первые дни вторжения, кто-то приехал совсем недавно. Но все они описывали два Мариуполя — один в изгнании и один под оккупацией.

До вторжения в городе жило около полумиллиона людей. Сейчас Бойченко оценивает число жителей в 150 тысяч. Треть из них — люди, которые переехали туда из России или Центральной Азии с началом оккупации, откликнувшись на призыв российских властей, которые предлагают достойные зарплаты и квартиры, брошенные беженцами. Около 150 тысяч мариупольцев разъехались по разным уголкам Украины, 120 тысяч оказались в Европе, а 50 тысяч — в России.

Мариупольцы, которых я встретила в Киеве, с тоской говорили о разделении, которое возникло между ними и теми, кто остался в городе. Люди рассказывали о родственниках, которые настолько травмированы войной, что вообще отказываются говорить о России или Украине — они просто хотят жить дальше. Диана, которая работала в местном департаменте культуры и сбежала вместе с 12-летним сыном, сказала, что отношения с оставшимися в Мариуполе матерью и братом изменились очень сильно. Ее мать, которая с ностальгией вспоминает СССР, говорит: «Россия гораздо больше и сильнее,

они победят. Нацистов победили — и сейчас победят». Брат получил работу на стройке и объясняет, что Украина стала колонией Польши.

Денис, менеджер в ночном клубе, лет 30 с небольшим, не может понять, как его младший брат в Мариуполе, «умный человек, способный к критическому мышлению», может верить тому, что говорят по российскому телевидению: «Он мне говорит: "Я не хочу жить в стране, которая не может меня защитить. У Украины ничего нет — ни оружия, ни большой армии"». Денис много раз пытался с ним спорить, но брат отвечает: «Тебя тут не было. Почему ты не приехал? Не помог нам? Ни ты, ни твоя страна нам не помогли». Денис говорит об этом со слезами на глазах: «Мне и правда нечего на это ответить». Братья не разговаривают с апреля.

Петр Андрющенко — специалист по опросам общественного мнения, советник мэра Бойченко. Он на связи с друзьями в разных муниципальных департаментах Мариуполя, а еще следит за происходящим по телеграм-каналам. Уже несколько месяцев он занимается исследованием общественных настроений мариупольцев с помощью алгоритмов.

По словам Андрющенко, до оккупации 20% жителей города были за Россию и 20% — за Украину. А оставшимся 60% было более или менее все равно: «Мы их называем холодильниками. Это люди, которым все равно, какой флаг развевается над городской администрацией, их волнует только содержимое их холодильника». Год назад, по подсчетам Андрющенко, большая часть «холодильников» склонялась к пророссийскому нарративу.

Оккупанты возобновили работу городских служб, появилось ощущение, что жизнь налаживается. Но теперь, говорит он, пророссийская позиция размывается, потому что люди все ближе знакомятся с российской коррупцией и репрессиями. Мариупольцы жалуются на низкие зарплаты, на то, что предпочтение отдают приехавшим, на плохой интернет, на плохие продукты в магазинах, на то, что водку продают в киосках на каждом углу, на мерзкий вкус произведенных в ДНР сигарет.

Андрющенко считает, что те, кто остался в городе, сделали свой выбор: «Мы понимаем, и они понимают, что они теперь платят налоги России, а она покупает на эти деньги оружие, которое нас убивает».

* * *

Анатолия обвинили в «возбуждении ненависти либо вражды» с помощью постов в фейсбуке, которые он сделал в первые дни вторжения, пока еще работал интернет. Одним из этих постов была картинка: пара держится за руки на фоне горящего Кремля. Следователем была молодая женщина, которая раньше работала в прокуратуре ДНР. На

первом допросе, в мае 2022 года, она заполняла протокол на русском, но легко переключилась на украинский, чтобы зачитать посты. Анатолий похвалил ее произношение. Она мгновенно ответила по-украински, что всегда получала пятерки на украинском в школе. И только потом спохватилась, что позволила себе похвастаться знанием языка, который ей положено презирать. И выругалась.

Дело Анатолия было непростым: Россия официально аннексировала ДНР осенью 2022 года, а посты, которые он написал, не предполагали заключения по российским законам. На то, чтобы его условно досрочно выпустили, ушло полгода.

Когда Анатолий наконец вошел в свою квартиру в марте этого года, Артем посмотрел на него, отвернулся и ушел в свою комнату. А Анна крепко обняла мужа и спросила:

— Когда мы уезжаем?

— Ты же говорила, что не хочешь расставаться с домом, — напомнил он ей.

— Это больше не мой дом, — ответила Анна.

Иллюстрация: Никола Нидвора / Медиазона

Артем был расстроен, что отца не было так долго, но через несколько дней после его возвращения он сжал его руку: это значило, что он готов вернуться к

их обычному ритуалу — перед сном Анатолий лежал рядом с сыном, пока тот не засыпал. Правда, еще через несколько недель Анна обнаружила, что Артем рвет старые семейные фотографии.

Анатолия поразило, насколько изменился город, пока он был в тюрьме. Появились электричество, газ, холодная вода. Где-то строились здания, а где-то, наоборот, сносились целые кварталы. Можно было встать в очередь на компенсацию и новое жилье. Звуки стройки раздавались отовсюду — люди жаловались, что здания отремонтированы наспех. А где-то возводились жилые комплексы с видом на море, туда заселялись новоприбывшие: русские, чеченцы, казахи. Их дом все еще в основном пустовал, но две семьи из Узбекистана въехали на этаж под ними, а шестеро шумных чеченских мужчин жили в квартире на первом этаже.

В российских новостях никак не комментировали взрывы, которые часто слышали местные жители: украинские войска стреляли по военным объектам на окраине города. Анна и ее брат избегали разговоров о политике, но он продолжал придерживаться пророссийской позиции. Росло чувство недоверия между оккупационными властями и мариупольцами, да и между самими жителями тоже. Время от времени на стенах появлялись граффити с украинским флагом или словами поддержки украинским защитникам. Но никто не отваживался говорить ничего подобного открыто. Каждую неделю исчезали люди. Никто не знал, куда их забирают.

* * *

Весной этого года семья начала планировать отъезд. Анатолию, Анне и Артему нужны были российские паспорта, чтобы они могли спокойно проехать через Россию обратно в Украину. Пробиться в паспортный стол в Мариуполе было невозможно, но у Анатолия был знакомый полицейский в другом городе. «Слава богу, их можно подкупить», — сказал он Анне, обрадовав ее новостью, что они могут проскочить без очереди.

Однако с Артемом все было не так просто. Для начала нужно было сделать фото на паспорт, сохраняя на лице нейтральное выражение, а Артем всегда улыбается при виде фотоаппарата. Для фотографии на украинский паспорт они получили особое разрешение, а на этот раз фотограф, когда Анатолий объяснил ситуацию, подмигнул и убрал улыбку Артема с помощью фотошопа. Анатолий про себя отметил, что теперь на украинском паспорте его сын улыбается, а на русском — хмурится.

Артем закричал, когда сотрудник паспортного стола приложил его руку к сканеру отпечатков пальцев. Потом им сказали, что Артему надо громко и четко произнести клятву следовать законам Российской Федерации. Анатолий потратил довольно много времени, объясняя чиновникам, что клятву можно просто прочесть и подписать и что Анна имеет право действовать от лица сына. Все эти манипуляции и незнакомцы с грубыми голосами спровоцировали Артема, и он начал кричать. Истерика Артема, как говорят родители, это его «суперсила». Так что чиновники быстро достали нужные печати, чтобы избавиться от их семьи как можно скорее. Странным образом на паспортах было написано, что они выданы

в Крыму. В этом перевернутом мире пространство и время стали растяжимым понятием. Один их друг получил в Мариуполе паспорт, где написано, что он выдан в Жданове — это советское название Мариуполя.

Анатолий и Анна собирались тайно, чтобы Артем не разнервничался. Они заказали такси на семь утра в надежде, что по дороге Артем уснет (он этого не сделал). На КПП при выезде из Мариуполя солдаты посмотрели их документы и махнули им, чтобы они проезжали. Машину с другой семьей, которая ехала перед ними, развернули, потому что у них были украинские паспорта.

Они проехали по югу России и на следующее утро прибыли на неофициальную российско-украинскую границу. Были слышны разрывы снарядов вдалеке. Анатолий со всем возможным спокойствием сказал Артему, что это фейерверк.

Анатолий волновался, что жесткий диск, который он захватил с собой, вызовет подозрения на российском КПП. И снова семью спас Артем. Он выл и кусал себя за руки, ему не нравилась задержка. Пограничники кинули им сумки и велели проходить.

Им пришлось пройти два километра, волоча сумки по жаре. Но когда они наконец увидели украинского пограничника, сидевшего в небольшой будке, Анатолий остановился и достал телефон, чтобы запечатлеть момент освобождения. А Артем вдруг издал низкий звук и произнес слоги, которых никто от него никогда не слышал: «Йо-йо!». Его

родители не знали, что это значит, но поняли, что он счастлив.

Автор: Уэнделл Стивенсон, при участии Марты Родионовой

Оригинал: *An autistic Ukrainian boy lived by routine. Then the Russians upended his world*. *Economist / 1843, October 3, 2023*

Перевод: Вера Нифлер